

непонятно, как это можно с уверенностью сделать. Э. Скала осторожно и справедливо замечает по этому поводу: «В какой мере в примерах с несклоняемыми формами дело идет о действительно нефлектированных формах или о часто встречающихся в языке канцелярии Эгера апокопе окончаний, не всегда точно можно решить» (стр. 202; ср. также стр. 205).

Можно было бы высказать еще пожелание, чтобы рассыпанные по ходу изложения дублетные формы разного рода были специально выделены и отдельно проанализированы. Ведь именно в дублетах обнаруживается конкуренция как в отношении фонетического облика слов, так и в их морфологическом оформлении, столь существенная для выработки окончательного стандарта.

Впрочем, нужно оговориться, что, как известно, претензии рецензентов в отношении того, чего в книгах нет, практически не имеют границ. И если подобные претензии относятся к столь обстоятельным и добросовестным трудам, о которых идет речь, то они никак не могут умалить их значения.

Слово *Bausteine* означает «строительный материал». Нам представляется, что рецензируемая серия «*Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen*» должна оправдать свое наименование и дать надежный фундамент для построения полностью документированной истории немецкого национального языка. На базе детального и строгого использования реальных источников возникает картина, во многом подтверждающая уже имеющуюся, частично ее корректирующая и объясняющая то, что до сих пор представляется не полностью ясным.

Однако не только этому сможет послужить рассматриваемая серия. Она должна дать материал для создания подробной грамматики ранневерхнемец-

кого периода⁸. Синхронное описание системы грамматического строя этого времени представляет глубокий интерес не только в связи с общим ходом развития языка в Германии, но и как самостоятельный объект. Систематическое изложение сложных языковых отношений, характеризующих этот период, несомненно будет весьма поучительным и в общелингвистическом плане. Вместе с тем, такое систематическое изложение предполагает предварительную подробную дескрипцию. Описания, аналогичные рассмотренным в рецензии, будучи расширенными как в смысле охвата географических точек на лингвистической карте, так и в смысле пополнения описываемого материала (в частности, проблем синтаксиса) станут и здесь «кирпичами» в стройке.

Материалы серии позволяют читателю задуматься и над рядом частных вопросов, как, например, взаимоотношение нормы и диалекта. При работе над отдельными темами те или иные исследователи найдут здесь возможность позаимствовать свежие языковые данные, поскольку все книги серии «*Bausteine*» содержат богатейший фактический материал.

Мы считаем поэтому, что несмотря на отдельные отмеченные нами недочеты и пробелы, публикация рецензируемых работ является серьезным вкладом в немецкую филологию, за которой германисты самых разных стран будут благодарны авторам, редактору и организаторам серии «*Bausteine*». Хотелось бы пожелать, чтобы публикация следующих томов не заставила себя долго ждать.

Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева

⁸ До сих пор германистика располагает только одной и притом незаконченной грамматикой этого периода (*V. Moseg, Frühneuhochdeutsche Grammatik, I, 1—3, Heidelberg, 1929—1959*), что не может удовлетворить ее потребностей

I. Němec. Výchovné postupy české slovní zásoby.—Praha, Academia, 1968. 192 стр.

За последнее время возрос интерес к изучению системных отношений и изменений в лексике, но лишь немногие исследования в этой области охватывают большой лексический материал и длительный период истории языка. Тем больший интерес представляет труд И. Немца, в котором прослеживаются системные изменения в чешской лексике, начиная с первых письменных фиксаций и до настоящего времени. В основе монографии лежит богатый фактический материал, содержащийся в карточках словарей древнего и современного чешского языка, и

опыт многолетней работы автора в Институте чешского языка АН ЧССР в качестве лексикографа и редактора.

Большой фактический материал исследования упорядочивает оригинальная методологическая концепция, которая определяет логическое построение книги. В то же время автор не пренебрегает и традиционными методами — как в подходе к материалу, так и в теории.

Книга состоит из трех глав, вводной теоретической части и резюме (на чешском и английском языках). Новый подход к проблеме изменений в лексике обоснован

вываается в вводных разделах о разграничении значений древних слов с учетом системных грамматических категорий, имеющих в языке формальное выражение, о характере древнечешского структурного значения (внутренней формы), о соотношении структурного и лексического значений. Точка зрения автора совпадает с традиционной в вопросе об определении стилистической принадлежности слова в древнем языке, об отношении лексико-семантических единиц к другим единицам языка и в некоторых других вопросах.

Для книги в целом характерен подход к явлениям языка как к системным явлениям, причем системность автор обнаруживает не только в изменениях, обусловленных языковыми факторами, но также и в тех лексико-семантических сдвигах, которые вызваны факторами психологическими и культурно-историческими.

Отправной идеей исследования является мысль о том, что каждая единица языка вступает в корреляции с другими языковыми единицами системы и ее положение (центральное или периферийное) в данной системе зависит от количества и прочности этих корреляций¹. В области лексики автор считает такими единицами как однословные, так и неоднословные лексемы, при изучении лексико-семантических единиц и лексико-семантических групп следует учитывать корреляции разных уровней. В соответствии с факторами, определяющими лексические значения, автор выделяет три уровня корреляций, в которые вступает семантическая единица: грамматический, психологический и культурно-исторический. Например, древнечешские слова группы *zeměnin* «мелкопоместный дворянин», *Pražanin* «пражанин», *městěnin* «горожанин», которые на уровне языкового оформления (грамматики) характеризуются как существительные мужского рода, обозначающие лицо, образованные при помощи суффиксов *-ěn/-an* во множественном числе и *-ěnin* в единственном, по своей словообразовательной структуре соотносились с существительными — названиями места (*Praha, město*), на психологическом уровне мотивировались как слова, выражающие понятие жителя по ассоциации с понятием местности, а на уровне культурно-историческом — как названия членов коллектива, характеризующего его отношением к определенному месту и т. п. Таким образом, мы имеем группу лексико-семантических единиц, характеризующихся набором определенных классификационных черт.

¹ Эта идея лежит в центре ряда исследований Пражского лингвистического кружка: см., например: «Travaux linguistiques de Prague», 2 — Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue, Prague, 1966.

Позже в этой группе происходит ряд исторических изменений. Формы типа *zeměnin — zeměně — zeměnōt* фонетически и морфемно выравниваются с парадигмой типа *zeman — zemaně — zemanīt*. Однако формальные изменения затрагивают не все слова группы. Описанный сдвиг характерен только для единиц, обладающих всеми перечисленными классификационными чертами, т. е. для единиц, которые, как считает автор, были центром группы. К периферийной области данной группы автор относит те слова, которые были лишены хотя бы какой-нибудь одной из этих классификационных черт, как, например, слово *měnenin* «негр»: оно не было мотивировано отношением к названию местности и уже в древнечешской системе связывалось не с названием города, а с устаревшим синонимическим названием лица (ст.-слав. *murinъ*, др.-лат. *Maurus*). Слово *měnenin* не подверглось формальному изменению типа *zeměnin → zeman* и продолжает существовать в виде *mouřenin*, но при этом испытывает семантический сдвиг и в современном языке функционирует в значении «человек, занимающийся неблагодарным трудом».

Исследуя историю слов и групп слов с учетом их системных корреляций, автор приходит к выводу, что изменения в лексике (утрата слов и их значений, семантические сдвиги, появление новых слов и значений) во многом зависят от нарушения старых и развития новых корреляций. По наблюдению автора, единицы языковой системы, связанные между собой общими свойствами, имеют тенденцию подвергаться изменению одного типа. Такое однотипное изменение автор называет сдвигом (*postup*).

Изменение группы слов *zeměnin, městěnin, Pražanin* — один из примеров сдвига. Другие примеры: образование существительных действия, обозначающих положение тела, — *dřep, klek, leh, sed, vis, stof*, — от соответствующих древних глаголов, с непереходным значением и общей для всех формой на *-im, -iš, dřepim* «сизжу на корточках», *klečim* «стою на коленях», *ležim* «лежу» и т. д.; развитие значения «продувной, плутоватый» у ряда прилагательных со значением «битый, претерпевший наказание» *fikaný, flakaný, mazaný, vypráskaný*. Таким образом, сдвигом автор называет и чисто семантический сдвиг (без формальных изменений), и лексические изменения более широкого плана: формальную и семантическую дифференциацию, утрату слов, образование новых групп производных слов и т. п.

В процессе исторического изменения лексических групп взаимодействие различных факторов имеет место, тем не менее один из них часто становится преобладающим и определяет тенденцию развития данной лексической подсистемы. Основные главы исследования

И. Немца посвящены описанию главных типов лексических изменений по преобладающему фактору развития. Соответственно в трех главах рассматриваются изменения, обусловленные языковыми (1-я глава), психологическими (2-я глава) и культурно-историческими факторами (3-я глава).

1. Системные изменения, вызванные языковыми факторами. Многие утраты и инновации в истории чешской лексики обусловлены языковыми факторами: категориальными грамматическими изменениями, фонетическими изменениями, а также распадом или укреплением морфо-семантических систем. Влиянию каждого из этих факторов на развитие лексической системы чешского языка И. Немец посвящает особый раздел.

Для чешской грамматической системы характерны такие категориальные исторические изменения, как, например, завершение распада древней системы основ и оформление категории рода и одушевленности, последующее ослабление категории одушевленности/неодушевленности (в сфере имен), развитие категории вида и рода, распада старой оппозиции начала/результата действия (в сфере глагола) и др. В связи с этими грамматическими явлениями происходит ряд изменений в лексике. Так, некоторые имена утрачивают значение мужского рода — например, значение слов *dievka*, *panna* «девушка, юноша» сужается до «молодая женщина, девушка», уходят из языка многие слова мужского рода с *a*-основой — *konědra* «живодер», *ležka* «лгун», *předběha* «предшественник» и др. В глагольной корреляции *tknůti/tčieti* второй ее член заменяется пассивной конструкцией *býti zatknut*, *vetknut* «быть воткнутым», утрачиваются также слова *hřbiti* «быть погребенным», *ničeti* «быть сложенным»; видовые пары с неомогенной структурой корня замещаются парами с гомогенной структурой *naroditi se/parázeti se* → *řnaroditi se/roditi se*; из приставочного перфекта возникают имперфекты путем устранения префикса *přilnouti/přilipati* → *přilnouti/lnouti* «прильнуть/льнуть» и т. д. Некоторые слова переживают распад старых грамматических категорий и обогащают словарь новыми единицами. Так, в результате отмирания причастий в языке остаются наречия и обстоятельственные слова *vujta*

«за исключением», *leže* «лежа», *sedě* «сидя», *takřka* «так сказать» и др.

Многие уцелевшие древние формы сохраняются в лексике как архаизмы и топонимы. Слова, пережившие распад грамматической категории, утрачивают словообразовательную мотивацию: не будучи связанными прочными отношениями в системе грамматических категорий, они существуют на периферии данной лексической подсистемы. Такие изменения, по наблюдениям автора, тоже были категориально-структурными, однако только на семантическом уровне: если такие изолированные слова не были утрачены или не присоединились к другому формальному типу (как, например, *mákati* «полоскать» к *máchat* «махать, полоскать»), они претерпели семантический сдвиг и стали употребляться в переносном значении (например, с изменением прежней корреляции переходности/непереходности *oslepiti/oslnůti* в корреляцию *oslepiti/oslepnouti* глагол *oslnuti* продолжает существовать в переносном значении «ослеплять», ср. «ослепительный снег»).

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет раздел об изменениях в лексике, связанных с развитием морфо-семантических систем. Здесь рассматриваются изменения в группах лексико-семантических единиц, семантическая общность которых сигнализирована формально словообразовательной или корневой морфемой или потенциальным грамматическим свойством (например, переходностью или непереходностью глагола).

Структуры таких морфо-семантических систем в языке имеют горизонтальные и вертикальные координаты. По горизонтали расположены однокоренные слова, по вертикали — слова с тождественной некорневой морфемой (см. табл.).

По горизонтали отражены наличествующие в данную эпоху грамматические оппозиции однокоренных слов; каждый вертикальный столбик включает слова, занимающие в морфо-семантической системе одинаковое положение и принадлежащие тем самым к одному и тому же морфо-семантическому типу (например, *oslepiti*, *ohlušiti*, *ochromiti*).

Положение слова в такой системе автор считает одним из факторов, обуславливающих его значение, и предлагает изучать историю слова в связи с общими изменениями морфематизированной си-

Существ.	Прилаг.	Глагол			
		переходный		непереходный	
		сов.	несов.	сов.	несов.
<i>slepec</i> <i>hlušec</i> <i>chromec</i>	<i>slepý</i> <i>hluchý</i> <i>chromý</i>	<i>oslepiti</i> <i>ohlušiti</i> <i>ochromiti</i>	<i>oslepovati</i> <i>ohlušovati</i> <i>ochromovati</i>	<i>oslepnouti</i> <i>ohluchnouti</i> <i>ochromnouti</i>	<i>slepnouti</i> <i>hluchnouti</i> <i>chromnouti</i>

стемы, к которой данное слово относится. Так, при сопоставлении разных хронологических срезов современного морфо-семантического типа, к которому относится глагол *sednouti* «сесть» и его древний предшественник глагол *siesti*, выявляется ряд изменений в системе: в древнем языке глаголы, входящие в корреляцию переходность/непереходность (ср. др.-чеш. *sadu/posazu* и совр. *sednu/posadím*), а также в корреляцию действие/результат (ср. др.-чеш. *sěde/sedí* и совр. *sedne/sedí*) формально были связаны более тесно; развивается новая корреляция типа *sednouti/posedati*, укрепляется видовая корреляция, тип становится менее распространенным, у ряда глаголов данного типа ослабевает семантическая взаимосвязь и т. д. Изменения в морфо-семантических системах, по наблюдениям автора, связаны с общими структурными изменениями в чешском языке, т. е. с изменениями фонетическими, с развитием грамматической и словообразовательной систем. Прочность положения слова в системе определяется количеством корреляций, количеством слов, составляющих данную морфо-семантическую систему, характером формальной сигнализации.

Нарушение корреляций служит источником различных изменений. Частым результатом нарушения равновесия является утрата слова, которая в свою очередь оказывает воздействие на другие члены корреляции в вертикальном и горизонтальном направлениях. Наиболее сильное влияние утрата слова оказывает на однокоренные лексемы. Например: прилаг. *nejarný*, находившееся в словообразовательной корреляции с глаголом *jarati* «постигать, понимать», имело значение «непонятный, непостижимый», но с утратой этого глагола сохранилось только в значении «нерасторопный, нелепый, неуместный». Для развития языка существенны способы возникновения новых членов корреляций. В современном языке этот процесс осуществляется чаще всего по одному из способов словообразования. В книге И. Немца особое внимание уделяется способам, характерным для древнего языка, — десуффиксации и депрефиксации, которые в современном языке относятся к числу второстепенных.

Наблюдая развитие чешской лексической системы, связанное с внутренними языковыми процессами, автор отмечает большие различия в развитии имен, глагола и синтаксических конструкций и приходит к выводу, что основная тенденция развития словаря выражается в укреплении системности, в устранении внутрисистемных противоречий в лексике. Системность укрепляется или путем ликвидации единиц, находящихся вне корреляций (как *tezhuň* «ослица»), или путем заполнения пустых ячеек корреляций новыми языковыми единицами (как *vlok*

к *vloček*), или путем формального сближения соотносимых единиц (*poslěz* → *poslé* как *děve, prve*), а также путем универбализации, путем ложной этимологизации [др.-чеш. *břítov* (из др.-в.-нем. *frithof*) → *hřbitov*: др.-чеш. *hřbieti* «быть погребенным»] и другими способами. Этот более общий вывод подтверждается многими примерами. В то же время в истории чешской лексики (как и в истории лексики других языков) немало таких примеров, когда слова переживают распад старых корреляций. Автор отмечает, что такие лексико-семантические единицы чаще всего претерпевают семантический сдвиг и продолжают жить в языке в переносном и специализированном значении. Такие слова автор считает периферийными единицами языка. Но какова судьба таких периферийных единиц? Какую роль в структуре словаря они играют, укрепляют ли они или скорее разрушают системность в лексике? Этот существенный для лексикологии вопрос освещен в монографии недостаточно².

В этой части работы меньше внимания, чем во введении, уделено фразеологическим оборотам, аналитическим лексемам, которые автор наряду с однословными лексемами также считает лексико-семантическими единицами языка.

2. Системные изменения в чешской лексике, обусловленные психологическими факторами. Как уже отмечалось, определенную повторяемость, закономерность изменений автор наблюдает не только в сдвигах, обусловленных языковыми факторами. Определенные типы изменений автор находит и там, где действуют факторы психологические и культурно-исторические. Рассматривая изменения в чешской лексике, обусловленные психологическими факторами, автор сопоставляет их с изменениями в морфо-семантических системах. Как в морфо-семантических системах некоторые единицы (расположенные по горизонтали) связаны с другими единицами, их мотивирующими (например, *uprchlík* с *uprchnouti*), так и вне морфосемантических систем единицы связываются аналогичными отношениями мотивации, например, *liška* «мех лисы» и *liška* «лиса, хищник». Как в морфосемантической системе единицы, расположенные по вертикали, одинаково мотивированы словообразовательно, так и вне морфо-семантической системы единицы могут быть одинаково мотивированы семантически (например, *liška* «мех лисы», *bobr* «мех бобра», *hranostaj* «мех горностая»).

Такие корреляции образуют пары лексических единиц (значений), которые различаются] смысловым сдвигом. По-

² Судьбе периферийных единиц посвящена статья И. Немца, написанная позднее. См.: I. Němec, *Strukturní předpoklady zániku slov*, SaS, 1968, 2.

скольку один и тот же смысловый сдвиг характерен для целой категории слов, подобные корреляции являются конкретизацией системных оппозиций между двумя лексико-семантическими категориями. Коррелированными лексико-семантическими единицами являются синонимы, антонимы, слова с соотносимыми значениями, слова, обозначающие материал и изделие из него и т. п.; сюда относятся явления специализации, расширения, синекдоха, метафора и т. д.

Характерную тенденцию развития таких семантически коррелированных единиц, равно как и морфо-семантических групп, автор видит в укреплении системности. Взаимовлияние ассоциированных значений рассматривается на примере антонимов. Взаимодействие антонимов выражается в фонетическом, морфологическом, словообразовательном сближении. Под влиянием антонимических отношений наблюдается явление семантического обогащения слова, ограничение многозначности и другие явления.

Такого рода изменения характерны для неэкспрессивных ассоциаций. Иное отражение в языке находят ассоциации экспрессивные. Под экспрессивной ассоциацией понимается связь между такими единицами содержания, из которых одна — экспрессивная — носит оценочный характер, тогда как другая, неэкспрессивная единица, его не имеет, но своими объективными признаками вызывает. Так, например, представление о человеке с отталкивающим характером может быть ассоциировано с чувством неприязни, которое вызывает животное с неприятными свойствами (*крыса, гиена, хищник*) и привести к обозначению неприятного человека именем животного и т. п. Такая ассоциация могла быть морфематизиро-

вана, например *tlama* → *tlamajna* (морда у человека и животного).

Корреляция неэкспрессивность : экспрессивность отличается тем, что она часто становится исключением в языковой норме: при экспрессивных семантических сдвигах наблюдается замена рода, использование в разговорном языке указательных местоимений вместо личных, существительного на месте прилагательного и т. п.

3. Изменения, обусловленные культурно-историческими факторами. По сравнению с двумя первыми, эта глава более традиционна, однако и здесь автор выявляет системные изменения, наблюдает сдвиги, характерные для групп лексико-семантических единиц. Здесь рассматриваются различные способы проникновения в язык слов, обозначающих иноземные реалии (заимствование, калькирование), дана оценка словотворческой деятельности чешских ученых, способствовавших возрождению чешского литературного языка. Наиболее естественным способом наименования новых реалий и понятий, входящих в язык в связи с развитием быта, культуры, общественно-политических взглядов, И. Немец считает спонтанное развитие слов, причем, по наблюдениям автора, первоначально новая реалья обозначается несколькими словами и только позднее название закрепляется за одним словом.

Заканчивая изложение основных идей монографии, следует отметить, что ее ценность определяется не только общей теоретической концепцией. Лексикологи и семаскологи найдут в ней богатый фактический материал, ценные соображения по многим частным вопросам и перспективную методологию исторического и описательного исследования лексики.

Е. Е. Талыцкая

E. Tryjarski. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises. I, fasc. 1—A—H.—Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968, 284 стр; fasc. 2—I—K, 1968, 285—436 стр.; fasc. 3—X—O, 1969, 437—603 стр.

Э. Трыярский, один из немногих тюркологов, занимающихся изучением старых текстов, на этот раз избрал объектом исследования рукописи трех двуязычных армяно-кыпчакских словарей XVII в. Эти рукописи принадлежат коллекциям Национальной венской библиотеки (К. К. Hofbibliothek) и библиотеки венских мхитаристов; фотокопиями этих рукописей располагает Польская Академия наук.

Рукописи представляют собой армяно-армяно-кыпчакские словари и в совокупности являют собой удачную выборку из лексики армяно-кыпчакского языка. Осяевой для словаря Э. Трыярского послужили две из этих трех рукописей,

каждая из которых содержит примерно по десяти тысяч армянских слов с их толкованием по-тюркски; обе рукописи чрезвычайно близки одна к другой, но не идентичны. Третья рукопись фрагментарна. Все три рукописи анонимны; судя по многочисленным ссылкам на библейские сюжеты и экскурсам в области теологии и философии, Э. Трыярский допускает, что их авторами были монахи. Он предполагает также, что эти рукописи составлялись по модели одного или нескольких армянских словарей. По его мнению, рукописи эти имели чисто практическое назначение: они должны были помогать билингам при чтении армянских сочинений, различного рода (преж-